упоминании о сербах, болгарах и других славянах подчеркивалось, что все они «едино суть».[18]

Высказывания подобного рода встречаются и у чешских, и у южнославянских авторов, но все они носят чисто декларативный характер: идея славянского единства еще не порождает в то время практических планов сплочения славян для совместных действий.

К концу XV—началу XVI в. историческая обстановка в центральной и восточной Европе существенно изменяется. В славянских городах на побережье Адриатики, в городах Чехии и Польши появляются первые элементы национальной буржуазии. И эта «продвигающаяся вперед буржуазия славянских народов была воодушевлена сознанием, что существуют ей родственные славные и мужественные народы. Она рассматривала этот факт, как рост своей собственной силы».[19]

Значительно усиливается Польско-Литовское государство, а на востоке Европы все крепче становится на ноги Московская держава, сбросившая многовековое татарское иго. И этот рост двух крупнейших славянских государств не мог не привлечь внимания других славянских народов, особенно в те годы, когда Оттоманская империя стремительно расширяла свои пределы и жертвами ее становились один за другим славянские народы Балканского полуострова.

Вполне понятно, что в этих новых условиях взаимное тяготение славян значительно возрастает, и это сразу же находит отражение в книгах многих славянских писателей того времени.

В сочинениях поляков Матвея Меховского, Бернарда Ваповского, Лукаша Гурницкого, в книге чешского писателя Даниэля Адама из Велеславина говорилось о том, что все славяне — «люди одного языка и одной крови». «Славянская тема» стала модной у польских поэтов, и их некоронованный король — Ян Кохановский с гордостью говорил о своей «славянской музе». Но особенно сильно идея славянской общности зазвучала в это время у южнославянских писателей. Далматинец Илья Цриевич, задранин Ю. Баракович, хорват А. Андрашевич прославляют славянский народ, простирающийся «от Ледовитого океана до Адриатического и Каспийского моря», а Адам Бохорич утверждал даже, что славяне рассеяны «по большинству частей света, если не по всему миру».

Наиболее отчетливо идея славянского единства была высказана Винко Прибоевичем в речи «О происхождении и успехах славян».[20] Прибоевич утверждает, что он «пытался сделать все, что в его силах, чтобы воздать должное достоинствам славян», и действительно не скупится на похвалы своему родному племени. Новейший исследователь сочинения В. Прибоевича — Г. Новак — всячески подчеркивает, что Прибоевич высказывал свою «всеславянскую идею», «будучи далеким от каких-либо политических намерений».[21] В самом деле: никаких политических планов, вытекавших

---

[18] М. В. Шахматов. Славянская идея у древнерусских книжников. — Sborník prací I sjezdu slovanskich filologů v Prage, 1929, sv. II. Praha, 1932 (далее: Шахматов), стр. 385. «В русских памятниках XIV—XVI вв. больше говорится о близости русского народа с южными славянами, чем с западными. В этом, вероятно, сыграла роль религиозная рознь с поляками и чехами, а также воздействие так называемого „второго южнославянского влияния" на Русь в XIV—XV вв.» (Шахматов, стр. 386).

[19] З. Неедлы. К истории славяноведения до XVIII века. — Историк-марксист М., 1941, № 2 (далее: Неедлы), стр. 87.

[20] V. Priboevius. De origine sucessibusque slavorum. Venetiis, 1532 (далее: Priboevius). Г. Новак в статье «Далмация и Хвар во времена Прибоевича» (в кн.: V. Priboević. O podrijetlu i zgodemi slaven. Zagreb, 1951) пишет, что единственный в мире экземпляр книги Прибоевича хранится в Венецианской библиотеке. Но он ошибается, ибо эта книга имеется и в фонде ГПБ в Ленинграде.

[21] Новак, стр. 17, 25, 26.